

УДК 808.56

DOI: 10.17223/19986645/43/3

Е.В. Иванцова, З.В. Черных

НАРУШЕНИЕ НОРМ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ПРИЧИНА КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются речевые конфликты, возникновение которых обусловлено нарушением норм речевого поведения. Исследовались конфликтные эпизоды в спонтанной устной речи студентов г. Томска. Выявлены и типологизированы причины подобных конфликтов, их распространенность в студенческой коммуникации. Установлено, что в бытовом дискурсе равных по статусу участников общения конфликтотенным становится ненормативное речевое поведение, связанное с несоблюдением норм морали и принципа вежливости.

Ключевые слова: нормы речевого поведения, речевой конфликт, речевой этикет, студенческая коммуникация.

Нормы речевого поведения стали объектом специального рассмотрения лишь в конце XX в. Интерес к их изучению был стимулирован утверждением антропоцентрической парадигмы современного языкознания, формированием коммуникативного подхода к изучению языковой материи, становлением прагмалингвистики и неориторики. Актуальность проблематики этой сферы обусловлена и общественной значимостью следования правилам коммуникации, необходимостью сохранения и развития общей и речевой культуры общества.

Исследование нормативного речевого поведения развивается в двух основных направлениях: одно из них предполагает выявление общих логических правил коммуникации, регулирующих механизмы понимания смысла ее участниками (Г.П. Грайс [1], Д. Гордон, Дж. Лакофф [2], Т.В. Шмелева [3], Н.В. Муравьева [4] и др.), другое связано с анализом социально обусловленных норм речевого взаимодействия, определяемых предписаниями морали, своеобразием национальной культуры и ментальности, характером ролевых отношений между коммуникантами и другими факторами (В.Е. Гольдин [5], Дж. Лич [6], Н.И. Формановская [7], И.А. Стернин [8], В.И. Гзавава [9], А.Г. Балакай [10] и мн. др.).

При реконструкции национальных кодексов речевого поведения (в том числе русского речевого кодекса) и диагностирования распространенных нарушений его правил исследователи опираются на художественные произведения (А.И. Бирюлина [11], Т.А. Чеботникова [12]) и пословицы (А.Н. Сперанская [13]), привлекают экспериментальные (А.А. Зубарева [14]) и словарные данные (М.С. Аверкиева [15]), используют материалы фильмов, киносценариев, ток-шоу (Т.А. Воронцова [16], М.Г. Кремнева [17]). Значительно реже ученые обращаются к фактам спонтанной разговорной речи (В.М. Глушак [18], Д.В. Анненкова [19]). Нормы речевого поведения в повседневной коммуникации представителей различных социальных слоев общества изучены

недостаточно; это положение дел касается и студенческого дискурса. В числе особенностей речевого поведения студентов в работах Б.Я. Шарифуллина [20], С.В. Леорда [21], М.Р. Шелховской [22], А.Ю. Ларионовой [23] называются возможность «переключения кода» в зависимости от коммуникативной среды (меняется набор речевых форм в соответствии с требованиями конкретных малых групп), широкое использование сленга, ненормативной лексики и прецедентных текстов, проявление креативного начала, в том числе игрового; стремление сделать свою речь красочной, яркой, нестандартной. Отмечены отдельные отклонения от общепринятого употребления этикетных формул, возрастающая сниженность и агрессивность речи [21], однако предметом специального рассмотрения в коммуникативном плане они не являлись.

Объект данной статьи – речевые конфликты (РК) в студенческой среде, возникновение которых связано с нарушением норм речевого поведения. Ставится задача выявления причин подобных конфликтов и их типологизации. Работа является составной частью исследования конфликтной коммуникации студентов. Материалом анализа послужили диктофонные записи 186 конфликтных эпизодов в спонтанной устной речи студенчества г. Томска.

Причины РК в зафиксированных текстах весьма разнообразны; основные из них связаны с нарушением имущественных прав, несовпадением мировоззренческих установок коммуникантов, несоблюдением этических норм. Часть эпизодов (около 16% от общего количества) свидетельствует о том, что конфликт может быть вызван также нарушением норм речевого поведения. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты позволяют выявить состав таких нарушений и их распространенность в конфликтной коммуникации.

1. Наиболее частотны РК, причиной которых является **отсутствие ожидаемых проявлений эмпатии** со стороны коммуникативных партнеров.

Конфликт данного типа может наблюдаться в тех случаях, когда позитивный эмоциональный настрой одной из общающихся сторон не находит поддержки у другой стороны:

Проезжавшие мимо С. и А. увидели прогуливающуюся по улице сокурсницу Л., вышли из автобуса и догнали ее.

А. (сбивая Л., шутливо): Девушка, можно с вами познакомиться?

Л.: О, привет. Вы откуда здесь?

С. (радостно): Мы увидели тебя на перекрёстке. Вышли из автобуса... И вот мы тут!

Л. (без эмоций): Круто.

А.: Ты что, совсем не рада нас видеть?

Л. (без эмоций): Рада. Я всегда рада вас видеть.

С.: Что-то по тебе незаметно.

Л.: А что мне нужно сделать? Попрыгать?

С.: Попрыгай.

Л.: Нет, можно я всё-таки не буду прыгать, а то я очень устала? (грустно улыбается) <...>¹

С.: Мы, значит, увидели тебя, обрадовались, даже выбежали из автобуса, добежали до тебя, запыхались, а тебе (неценз. в значении «безразлично»). Нормально, но. <...>

Выражение искренней радости при встрече старых знакомых относится к этикетным правилам речевого поведения [8. С. 53]. Подруги, ожидавшие от Л. зеркальной реакции на собственное речевое поведение, остались разочарованы и обижены безучастностью их сокурсницы: Л. не поддержала радостно-шутливой тональности диалога, формально употребленные ею вербальные показатели проявления позитивных эмоций (*Круто; Я всегда рада вас видеть*) не соответствовали безэмоциональным интонациям и мимике.

Более сильную негативную реакцию вызывают проявления эмоциональной глухоты собеседника, когда говорящий ожидает сопереживания в трудной жизненной ситуации и не получает его. Эпизоды с такой причиной РК встречаются значительно чаще, чем приведенный выше. При этом конфликтогенными могут стать неверно выбранные собеседником тактики рациональной поддержки или критики.

Линия рационального ободрения, избранная участником диалога, невербализованность эмоциональной составляющей общения в таких случаях воспринимается как отсутствие поддержки вообще:

Телефонный разговор находящихя в дружеских отношениях девушки Е. и парня Л.

Е.: Меня кладут в больницу.

Л.: Это не страшно.

Е.: Тебе (неценз. в значении «безразлично»), да?

Л.: Мне не (неценз. в значении «безразлично»). Ничего страшного. Всех кладут в больницу.

Е.: Я в шоке.

Л.: Зато ты будешь в порядке. Чё ты в шоке?

Е.: Я тебе часов десять назад сказала, что у меня температура под сорок, ни разу за это время не спросил, улучшилось ли самочувствие, ухудшилось ли, сказала, что меня кладут в больницу, сказал «отлично», (неценз.), правду говорят, что друг познаётся в беде.

Л.: Да успокойся ты. У меня тоже была температура под сорок, и меня тоже клали в больницу до (неценз.) раз. Ничего со мной не случилось. Просто я знаю: если про это не вспоминать, то скорее пройдёт. Чё ты начинаешь сразу «друг – не друг»? <...>

Е.: Если бы ты заболел, а я об этом знала, я бы (неценз.) каждые пять минут спрашивала, как твоё самочувствие. К тому же ты знаешь, какое это (неценз.) состояние, неужели так сложно поддержать? А не отправлять в больницу. Видно, сложно. Ну что ж. Сразу видно, в чём человек искренен, а в чём нет. Вот так люди и падают в глаза. <...>

¹ Знаком <...> отмечено сокращение фрагментов некоторых анализируемых эпизодов РК, произведенное в связи с ограниченным объемом журнальной публикации.

Вместо ожидаемых девушкой слов сочувствия и утешения молодой человек использует генерализованные суждения, подчеркивая заурядность ситуации (*всех кладут в больницу; ничего страшного; у меня тоже была температура под сорок, и меня тоже клали в больницу <...>. Ничего со мной не случилось*), и привлекает рациональные аргументы (*зато ты будешь в порядке; если про это не вспоминать, то скорее пройдет*). Собеседница воспринимает такое речевое поведение как не соответствующее статусу друга и несоблюдение «элементарной вежливости». Ее высказывание содержит и нормативный, по мнению студентки, тип реакции с проявлением повышенного внимания (*Если бы ты заболел...*), и предпочтительную тактику (*неужели так сложно поддержать?*); под поддержкой имеется в виду именно эмоциональное сопереживание. Истоки данного конфликта, возможно, отчасти связаны с гендерным фактором, хотя аналогичные РК отмечены также между девушками.

Конфликтогенной является и критика поведения собеседника, идущая вразрез с предполагаемым выражением сочувствия и ободрения:

Девушка О. и парень Т., хорошие знакомые, встречаются в коридоре общежития.

О.: Как дела?

Т.: Хорошо. Как у тебя?

О.: Тоже. Как пары?

Т.: Да вообще плохо... долгов много.

О.: Так ты ни фиги не учишься, вот и много!!!

Т.: Добрая девушка, что сказать! И вообще к тебе всегда всей душой, а ты всем задом!

О.: С чего это?! Ну и хам! Я же хочу как лучше! Пинаю тебя!

Т.: Что я, ёж, чтобы меня пинали?! Не лезь ко мне вообще! <...>

Неудачно выбранная О. тактика упрека с целью побудить друга к исправлению (*Я же хочу как лучше! Пинаю тебя!*) вызывает обиду Т. (*к тебе всегда всей душой, а ты всем задом!*), его саркастические замечания способствуют эскалации конфликта.

Разновидностью речевого столкновения данного типа можно считать реакцию участника общения на *нытьё* – постоянные, надоедливые жалобы собеседника. Их систематический характер вместо сочувствия пробуждает раздражение и агрессию (*Хватит ныть. Твоё нытьё меня уже (неценз.) Каждый день это от тебя слышу. <...> И вообще это как будто я виноват, что у тебя что-то не так и ты такой неудачник по жизни!*), провоцируя развитие конфликтного взаимодействия.

2. Распространенной причиной РК в студенческой среде можно считать также **нежелание поддерживать общение**. В целом не существует этической нормы, предписывающей всегда принимать участие в инициированном кем-то разговоре; кроме того, нежелание общаться имеет, как правило, какие-то первичные причины, лежащие вне речевой сферы. Однако если эти причины неизвестны окружающим, которые вынуждены долгое время существовать на одном пространстве или заниматься совместной деятельностью, постоянное

отсутствие речевых контактов считается неприемлемым и порождает конфликт.

Недовольство инициаторов общения вызывают неохотные, односложные, формальные ответы на их вопросы, сопровождаемые раздраженной интонацией:

Комната в общежитии; три девушки – А., Б., В.

А.: Б., а завтра у нас первая пара есть?

Б.: Не знаю.

А.: Ты же сегодня стояла возле расписания.

Б.: Я не запомнила!

В.: А ты не записала?

Б.: Нет.

А.: А вторая же – словацкий?

Б. (раздражённо): Не знаю.

В.: Да, словацкий.

А.: В третьем, наверное, да?

Б. (раздражённо): Я не знаю.

А.: А что-то случилось?

Б.: Что случилось?

А.: А чё ты так отвечаешь? <...>

К аналогичной реакции приводят невербальные проявления негативных чувств с неясной для окружающих мотивировкой поведения: *Л.: Ты запарила злиться, если тебе не нравится что-то, так скажи, а то ходишь как не пришей кобыле хвост. С.: Да всё нормально. Л.: По тебе и видно. <...> Ходишь с кислым лицом. Ничего не скажи, ничего не сделай. Это неправильно. Мы не виноваты, что у тебя плохое настроение. Встаёшь – злая, уходишь – злая, приходишь – злая. Мы-то в чём виноваты? Не так всё должно быть.*

Недружественный характер носит и игнорирование собеседника, нарушение этикетного правила предпочтения речевой коммуникации всем другим видам деятельности в случае прихода гостя [7. С. 22]. В приведенном ниже эпизоде нарушение этого правила сочетается с демонстрацией нежелания общаться, вербализуемой в лаконичных отрицательных репликах Д., использовании ею декларативных тактик предпочтения собственных интересов (*налей себе сама; я занята; хочу и сижу*), вызывающего тона. Поведение подруги оценивается У. как грубое и злое:

У. и Д. – подруги, соседки по комнатам в общежитии.

У. (заходит в комнату Д.): Не хочешь попить чаю?

Д.: Я вот как раз собиралась. Уже себе налила, так что налей себе сама чай.

(салятся пить чай)

У.: Может, посмотрим какой-нибудь фильм?

Д.: Нет. Ты видишь, я занята.

У. (зло): Чем ты занята? Сидишь в контакте?

Д.: Да. А тебе какая разница? Хочу и сижу.

У.: Ты видишь, я как бы пришла к тебе. Попить с тобой чай. Ты можешь уделить мне время и оторваться от своего дебильного контакта?

Д.: Нет.

У.: Почему ты такая злая и грубая в последнее время? Можешь перестать мне грубить? Ты уже достала со своей грубостью. <...>

Нежелание поддерживать коммуникацию может перерасти и в полное прекращение вербальных контактов по инициативе одного из членов малой группы (обычно студентов, совместно проживающих в одной комнате общежития или на съемной квартире). Не мотивированное говорящим нарушение дружеского общения, предполагающего контактность и открытость [24], создает недоброжелательную, напряженную атмосферу и осознается как отклонение от нормы:

Р.: Нет, это нормально, что мы живём с тобой в одной комнате и не разговариваем?

С.: Нормально.

Р.: А мне кажется, что нет.

Во всех конфликтах данной группы причиной является и само неэтикетное речевое поведение, приводящее к коммуникативному дисбалансу (по Т.А. Воронцовой [16]), и неясность его мотивов для окружающих. Как показывает материал, разрешение подобных РК возможно только в тех случаях, когда нарушающий нормы индивид проясняет окружающим истинные причины своего поведения.

3. В ряде эпизодов студенческой коммуникации причины РК связаны с **нарушением принципа уважения партнера**. Конфликтогенными являются тактики, направленные на принижение роли участника коммуникации или его унижение.

Речевой конфликт возникает, если партнер по коммуникации становится объектом **подшучивания**. Подшучивание широко распространено в студенческой среде; при этом его инициаторы далеко не всегда способны провести границу между веселой шуткой и унижением человеческого достоинства. Речевое поведение шутников, в основе которого лежит самоутверждение за счет избранной для подтрунивания «жертвы», вызывает обиду и протест:

А. и Б. шутят, что В. похожа на бабушку А.

А.: А, да, ещё моя бабушка не пьёт!

Б.: Вахаха, видишь, В. – ты точно бабушка! (шутливо, смеётся)

В.: Угу (обиженно, не смотря на собеседников).

(Б. начинает изображать бабушку, шепелявя и т.п.).

В. (обиженно): Хватит, а, уже!? Постоянно какие-то приколы, как будто я клоун вам. Надоело уже.

А.: А чё такого? Я просто сказала, что моя бабушка не пьёт! И всё!

В. (обиженно, раздражённо): Достали уже, прикалываетесь над кем-нибудь другим!

А. и Б. переглянулись и замолчали. Все сидят молча.

В ситуации подшучивания неодобрение выражается имплицитно, а иногда и вообще отсутствует; обиду участника общения может вызвать не только намек на его негативные качества, но и чувство отчуждения, ощущение его исключенности из группы близких людей:

О. вместо слова «сауна» слышалось в разговоре подруг-соседок А. и Б. «свадьба»; начинает спрашивать о свадьбе.

А.: Надо реже в наушниках сидеть, ты бы в курсе всего была.

Б.: Ага. (смех девушек)

О.: Ну, серьёзно, скажите, что за свадьба? У кого?

Б.: Да вот, я замуж выхожу (шутя). А., не говори ничего, не рассказывай (заговорщицки).

О. (обиженно): Мне надоело, действительно.

А.: Ну, прости (искренне, с сожалением).

О. (возмущённо, резко бросая вещи в пакет): Вчера, сегодня, завтра – давай каждый день!

А.: О., мы любя.

О. (угрюмо, озлобленно): Угу.

Как можно видеть из контекстов, болезненную реакцию на подшучивание усугубляет систематичность использования данной тактики (*Постоянно какие-то приколы, как будто я клоун вам. Надоело уже; Вчера, сегодня, завтра...*). Примеры показывают, что участники розыгрышей делают это без злого умысла (*мы любя*) и обида объекта шуток оказывается для них неожиданной.

Неуважительное отношение к коммуникативному партнеру может проявляться также при **нарушении ролевых ожиданий** участников общения. Поскольку бытовая коммуникация студентов в своей социальной группе представляет собой общение равных, причиной конфликта становится речевое поведение сверстника, берущего на себя роль старшего по статусу. Он начинает использовать деструктивные тактики приказа, поучения, запрета, негативной оценки, позволяет себе грубовато-покровительственный или начальственный тон. Нарушающее правила речевого этикета неправомерное переустраивание горизонтальных отношений (равный – равный) в вертикальные (старший – младший) [8. С. 7] обижает коммуниканта, чувствуя себя незаслуженно принижённым, ограниченным в своих правах:

К. и Н., соседки по комнате, занимаются уборкой.

Н.: И со стола вытри (в приказном тоне).

К.: Хорошо (вытирает).

Н.: Я с тобой, как мама с дочкой вожусь (с иронией в голосе).

К.: А кто тебя просит, (неценз.), так со мной возиться, а?

Н.: Да с тобой по-другому никак! (грубо)

К.: Да лаадно? (протяжно) Знаешь чё? Даже моя мама не позволяет себе указывать, что и как мне делать. Я взрослый человек и сама вправе решать, что и как мне делать. Ясно? А уму-разуму не тебе меня учить.

Зафиксированы, кроме того, конфликты, вызванные **злословием**. Злословие как «злая оценка» [25. Т. 1. С. 613], в отличие от подшучивания, всегда реализуется в форме открытого, вербализованного осуждения окружающих с подразумеваемой демонстрацией собственного превосходства над ними:

А.: Видела, в чем сёдня Ж. припёрлась?

Б.: Нет, не видела.

А.: Ну честное слово, из бабушкиного сундука достала, какая-то кофта не кофта. Ужас, короче!

Б.: Да ладно, какая разница, кто в чём ходит?!

А.: Ну ладно бы она поскромней была, а то претендует на роль первой модницы на факультете. <...> На неё все так смотрели!

Б.: Я так не смотрела! А., вот давай не будем обсуждать одежду людей!

А.: А чё такого? Типа ты такая вся хорошая. А я сплетница? Ты так меня выставляешь?

Б.: Ты сама себя в таком свете выставляешь! <...>

А.: А чё ты её так сильно защищаешь?

Б.: Я устала от говна, которое ты на меня льёшь про наших знакомых! Всё! Хватит!

А.: Я же не про тебя говорю!

Б.: И слава богу, я бы такой критики не выдержала и застрелилась! (уходит из комнаты).

В этом случае РК отражает тесную связь нарушений речевого поведения и несоблюдения этического правила «не осуждай других». В приведенном эпизоде А. неверно интерпретирует данную норму, считая ее обязательной только при характеристике собеседника (*Я же не про тебя говорю!*). В общепринятом понимании, разделяемом Б., запрет на негативную оценку распространяется на весь круг общения коммуникантов.

4. В студенческом дискурсе встречаются РК, причиной которых можно считать **нарушение сферы приватности**. К его проявлениям относится **вмешательство в чужой разговор**:

Комната общежития. К. занимается, С. общается тут же с Н.

К.: Н., ты про функцию природы чё писала?

С. (после паузы, недоуменно): А ничего, что мы тут разговариваем?

К.: И чё, мне теперь сказать ничё нельзя?

С.: Можно было сказать: «Извините, можно я вас перебую?»

К.: Ну я вот не извинилась, что теперь?

С.: Ну что-то, это уже не ко мне. Это проблемы твои, или твоих родителей, что элементарным правилам приличия тебя не научили. <...>

Реплики коммуникантов в подобных диалогах показывают, что вмешательство посторонних всегда вызывает резко негативную реакцию (ср. в другом эпизоде: *Но у тебя, по-моему, никто ничего не спрашивал!; Как-то не в тему вклиниваешься в чужой разговор!; Давай договоримся, что ты не лезешь в чужой разговор, когда тебя не просят*) и воспринимается как нарушение элементарных правил приличия, предполагающее обязательное извинение.

К этой же группе следует отнести конфликты, вызванные **разглашением интимной информации**, жалобами на близкого человека третьим лицам. Если вмешательство в чужой разговор является универсальным коммуникативным табу (по И.А. Стернину), не зависящим от степени близости партнеров по общению, то в данном случае участниками конфликта становятся студенты, находящиеся в дружеских отношениях, или молодые студенческие пары:

М. и Н. – соседки по съёмной квартире, подруги, одногруппницы.

Н. (серьёзный тон, низкий голос): Надо поговорить.

М. (откладывает вязание, смотрит в упор): Что такое?

Н. (чётко, на повышенных тонах): Знаешь, я от тебя никогда не ожидала, что ты будешь (неценз.) про меня всяким левым людям!!! <...>

М. (спокойным голосом, с опаской): Ты про К., что ли?

Н.: И про то, как тебе (неценз.) смотреть на мою кислую рожу. <...>

М. (тихим голосом): Мне надо было кому-то рассказать.

Н.: Мне. Слабо? (пауза)

М. (сквозь слёзы): Не хотела ругаться. <...>

Обе плачут. Примирение.

В основе подобных РК лежит нарушение таких неформальных правил дружбы, как уверенность в друге, сохранение доверенных тайн, отсутствие публичной критики [26]. Разглашение не подлежащих огласке сведений и жалобы на друга или подругу посторонним, как показывает эпизод, могут возникнуть в результате потребности в психологической разрядке (*Мне надо было кому-то рассказать*), однако они расцениваются в качестве недружественного речевого поведения. Предпочтительным вариантом устранения напряженных отношений, возникших между близкими, считается их открытое обсуждение без вмешательства извне.

5. Причиной РК может являться **игнорирование формул речевого этикета** – по определению Н.И. Формановской, предписываемой обществом системы устойчивых средств для установления речевого контакта и поддержания общения [27. С. 415].

Неупотребление этикетных формул приводит к РК достаточно редко. В тех эпизодах, где студенты вступают в конфликт по этому поводу, между ними наблюдаются разногласия в оценке значимости традиционных маркеров этикетного поведения. Так, благопожелание *спокойной ночи* для одного из участников общения – знак проявления заботы и нежности, а для другого – пустая формальность:

Парень и девушка, обоим по 20 лет.

П.: Почему ты вчера мне не ответила? Даже «спокойной ночи» мне не написала?

Д.: Да я с девчонками заболталась. Я думала, что я ответила. <...>

П.: То есть ты не придаёшь значения тому, что ты мне пишешь?

Д.: Нууу... «спокойной ночи» – это, в принципе, формальность!

П.: Для меня «спокойной ночи» значит, что я хочу, чтобы ты хорошо поспала, а не тупо форма вежливости!

Д.: А «спасибо» означает для тебя каждый раз «спаси тебя Бог»? Да ладно тебе!

П.: Как так да ладно? Может, ты мне скажешь, что «я тебя люблю» – это тоже формальность? <...>

Так же по-разному воспринимается наличие/отсутствие в речи формул приветствия. Один из коммуникантов придает им большое значение как показателю вежливости, отличающему воспитанного человека от *быдла*, тогда как его собеседник даже не замечает нарушения нормы, считая достаточно этикетным дружелюбный обмен репликами о делах:

Девушка В., 19 лет, молодой человек А., 17 лет – друзья. Встречаются случайно на улице.

А.: Привет, как дела?

В.: Всё хорошо! У тебя как?

А. (негодующе): А здороваться тебя сначала не учили?

В. (удивленно, не понимая): А в чём разница-то? Я сразу ответила на твой вопрос!

А. (грубо): Всё равно, ты должна была сначала поздороваться! А не как быдло какое-то вести себя! <...>

Отметим, что эллипсис многих этикетных формул вообще не рефлексивируется в непринужденной бытовой коммуникации, что соотносится с наблюдением С.В. Леорда об их лаконизации в студенческом общении [21. С. 5]. Чаще других конфликтогенным становится отсутствие извинения (как знака признания вины одного и самоутверждения другого) и приветствия (как знака проявления уважения).

Анализируемый материал студенческого дискурса показывает, что в большинстве своем причины возникновения РК многоплановы. Во-первых, нарушения норм речевого поведения – частный случай нарушения общих гуманистических норм морали, подразумевающих уважение к человеческой личности, доброту, отзывчивость, сострадание, порядочность и т.д.; это подтверждают и приведенные выше эпизоды. Во-вторых, во многих ситуациях конфликтное взаимодействие обусловлено одновременным нарушением нескольких норм этикетного речевого поведения. Приведем в качестве иллюстрации этого тезиса один из лаконичных эпизодов.

Общешитие. Студенты и пришедшие в их комнату студентки играют в «мафию».

М.: Ребят, (неценз.), надо голосовать!

И.: В нашей комнате девушкам материться нельзя (с иронией в голосе).

М.: Мне (неценз.), что в вашей комнате нельзя. Хочу – матерюсь, хочу – не матерюсь.

И. (неценз.): отсюда и матерись где хочешь.

М.: Ну ок.

М. выходит из комнаты, все девушки выходят за ней.

В данной ситуации конфликт вызван употреблением обценнизма, относящегося к категории речевых табу. Насыщенность студенческого дискурса обцененной лексикой и фразеологией – как в однополых коллективах, так и между девушками и юношами, находящимися в дружеских или близких отношениях, довольно высока, и обычно как нарушение этикетной нормы осознается только употребление прямой инвективы в адрес собеседника. Вместе с тем гендерные роли – набор ожидаемых образцов поведения (или норм), соотносимых с половой принадлежностью говорящего [28. С. 60], – предписывают бо́льшие ограничения ненормативной лексики лицами женского пола в сравнении с мужчинами. Таким образом, причиной этого конфликта может быть также нарушение ролевых ожиданий. Для коллективов, члены которых недостаточно хорошо знакомы, очевидно, сохраняются и следы табуирования мата при общении представителей разных полов. Развитию РК способствует не только бесцеремонная декларация девушки-гостьи, но и переход И. от смягченной формы выражения запрета к

грубому требованию с использованием конфронтационных тактик и языковых средств из «репертуара» М.

Подобная форма конфликтного сценария вполне типична для студенческого дискурса. Она отражает третью составляющую в комплексе причин возникновения конфликта: важным фактором его генезиса является доминирование речевой агрессии участников диалога. При первичном нарушении норм речевого поведения коммуниканты предпочитают отвечать конфликтогеном на конфликтоген. Неумение сдерживать свои эмоции и нейтрализовать начинающийся конфликт приводит к широкому использованию деструктивных речевых тактик (упрек, поучение, оскорбление, запрет, обвинение...) с соответствующими речевыми маркерами (повышение тона голоса, интонации раздражения, возмущения, иронии, сарказма, негативно-оценочная лексика и фразеология, обценнизмы и др.). Таким образом, зачин конфликта обычно имеет следующую схему: «нарушение норм речевого поведения со стороны X – агрессивная реакция Y»; зеркальное повторение этой реакции в последующих речевых ходах собеседников представляет собой эскалацию конфликта.

Группу рассмотренных РК следует отличать от конфликтов, сходных с ними внешне, но различных по сути. В таких эпизодах один из участников коммуникации воспринимает речевое поведение собеседника как ненормативное, в то время как его партнером нарушение речевых норм не осознается и не подразумевается:

А. и Б., соседки по комнате и подруги.

А.: Подскажи, что ты советуешь со статистикой мне сделать?

Б.: Ну, ты оставь либо по паре примеров, которые ты не будешь озвучивать, или вообще без примеров просто саму классификацию.

(Долгое молчание. А. обдумывает совет и смотрит, скривив лицо, недоверчиво, с неодобрением.)

Б.: Блин, ну вот что ты так смотришь!? Зачем тогда вообще спрашиваешь совета, если всё равно не слушаешь и смотришь так, типа я вообще какую-то фигню несу, и ты всё равно будешь делать по-своему?.. Не спрашивай тогда, делай сама, и всё!

А.: Прости, я просто думала, как сделать. Я не хотела тебя обидеть.

Б.: Да ничё.

Подобные ситуации «маскируются» под нарушения речевых норм, однако являются случаями коммуникативных неудач, возникающих из-за неверной интерпретации используемых партнером вербальных и/или невербальных средств.

Таким образом, в студенческой речи можно выделить группу РК, вызванных ненормативным речевым поведением коммуникантов. Своеобразие состава нарушений речевых норм, на основе анализа которых возможна реконструкция речевого кодекса участников общения, во многом обусловлено спецификой рассматриваемой дискурсивной сферы. В обыденном общении эти нормы значительно менее строгие, чем в институциональном дискурсе; кроме того, в студенческой коммуникации участвуют лица близкого возраста и одного социального статуса, обычно хорошо знакомые друг с другом. В связи с

двумя обозначенными обстоятельствами многие правила речевого поведения, актуальные для условий официального общения и иерархически структурированной группы с разными социальными ролями, теряют релевантность. Можно предположить, что повседневное общение «на равных» сужает состав норм речевого поведения, но сохраняет их наиболее значимую, ядерную часть, обязательную в любой ситуации.

В имеющихся материалах почти отсутствуют РК, причиной которых можно считать несоблюдение выделенных Г.П. Грайсом логических правил эффективной речевой коммуникации – максимы количества (достаточности информации), качества (ее истинности), релевантности (следования начатой теме) и ясности выражения [1]¹. Большинство конфликтных эпизодов студенческого дискурса свидетельствует о том, что нарушение норм речевого поведения является частным случаем несоблюдения этических норм и может рассматриваться как их разновидность. Очевидно, в обыденном общении важна не столько точная передача фактуальной информации, сколько соблюдение норм морали и принципа вежливости (по Дж. Личу) [6].

Причины РК между студентами в случаях нарушения норм этикетного речевого поведения связаны прежде всего с отсутствием выражения эмпатии (около 1/3 всех эпизодов); далее по убывающей отмечены нежелание поддерживать речевое общение, нарушения принципа уважения партнера и сферы приватности, игнорирование формул речевого этикета. Неэтикетное речевое взаимодействие проявляется в сочетании с конфликтогенными речевыми тактиками и соответствующими им языковыми средствами. Развитию конфликтов способствуют недостаточность знаний коммуникантов в области этики, неразвитость способности к эмпатии, неумение сдерживать негативные эмоции и агрессивная реакция участников общения на отклонения от нормативного поведения.

Литература

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / пер. с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения (1975); пер. с англ. И.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 276–302.
3. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.
4. Муравьева Н.В. Речевые механизмы коммуникативных конфликтов: на материале текстов массовой информации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 451 с.
5. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 112 с.
6. Leech G. Principles of Pragmatics. L; N.Y.: Longman, 1983. 250 p.
7. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк., 1989. 159 с.
8. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
9. Гзавва В.И. Русский речевой этикет: социокультурный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 179 с.

¹ Зафиксирован единичный эпизод, в котором конфликтогенным стало несовпадение предпочтений участников общения в ситуации выбора между более эффективным, по Грайсу, принципом «не говори того, что считаешь ложным» и этически обусловленной максимой «не говори собеседнику неприятного». Анализ данного конфликта не был включен в статью, поскольку его причины связаны как с нарушением норм речевого поведения, так и с различием мировоззренческих установок коммуникантов.

10. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис. ... д-ра филол. наук. Новокузнецк, 2002. 345 с.
11. Бирюлина А.И. Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 200 с.
12. Чеботникова Т.А. Речевое поведение личности в системе формирования социального образа (на материале художественного дискурса): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2012. 47 с.
13. Сперанская А.Н. Правила речевого поведения в русских поговорках: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 210 с.
14. Зубарева А.А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.
15. Аверкиева М.С. Семантическое и концептуальное пространства русского этикета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.
16. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.
17. Кремнева М.Г. Образ нормативного речевого поведения и вербальная коррекция дискурса (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.
18. Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 46 с.
19. Анненкова Д.В. Компоненты восприятия речевого поведения (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 20 с.
20. Шарифуллин Б.Я. Речевой портрет современного студента: первое приближение // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2005. Вып. 7. С. 108–114.
21. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.
22. Шелховская М.Р. Языковая картина мира студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.
23. Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 42 с.
24. Русский речевой этикет: учеб.-метод. пособие / сост. Н.С. Конищева, О.В. Гундяева. Н. Новгород, 2005. [Электронный ресурс]. <http://www.studfiles.ru/preview/2592084> (дата обращения: 05.02.2016).
25. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.
26. Кон И.С. Дружба: Этико-психологический очерк. [Электронный ресурс]. http://www.e-reading.by/bookreader.php/1042227/Kon_-_Druzhba__Etiko-psihologicheskij_ocherk.html (дата обращения: 01.03.2016).
27. Формановская Н.И. Речевой этикет // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003. С. 415–417.
28. Словарь гендерных терминов / Н.И. Ажгихина, С.Г. Айвазова, Т.В. Барчунова и др.; под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.

THE VIOLATION OF SPEECH BEHAVIOR NORMS AS THE REASON FOR CONFLICTS IN STUDENT COMMUNICATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 31–45. DOI: 10.17223/19986645/43/3

Ekaterina V. Ivantsova, Zoya V. Chernykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru / my-love-schumacher@yandex.ru

Keywords: speech behavior norms, speech conflict, speech etiquette, student communication.

The article is devoted to the research of speech conflicts in student communication which start because of the speech behavior norms violation. The task is to detect the reasons of such conflicts and to typify them. The material of the research is audiotapes with 186 conflict episodes in the spontaneous speech of Tomsk students. Conflicts related to the violation of speech behavior norms make up 16 % of the overall number of episodes.

Speech conflicts, the reason of which is the lack of emotional empathy from communicative partners, are most frequent. It means that the positive emotional condition of one communicative side is not supported by the other side; or the speaking person expects empathy in a hard situation in life and does not get it. We may consider the reaction on whining, which means permanent bothering and complaining from the communicative partner, as a similar kind of speech conflict.

Unwillingness to support communication is also a common reason for speech conflicts in student environment. Ignoring of the interlocutor, violation of the etiquette norm, which means that speech communication should prevail over every other kind of activities when a guest comes, are also considered as unfriendly behavior.

In some episodes of student communication the reasons for speech conflicts are connected with the violation of the partner respect principle. For example, a speech conflict might start, if the communicative partner becomes an object of jokes. Disrespect to the communicative partner can also be detected when the role expectations of communicative partners are violated. In such case, the speech behavior of people who sees themselves as senior by their status becomes the reason of the conflict.

Conflicts caused by slander have also been found. Slander is always expressed as an opened verbalized disapproval of people around with an implied demonstration of one's own superiority to them.

Student discourse has speech conflicts the reason of which is the violation of the private sphere. Examples of such conflicts include interrupting others' talk and disclosing intimate information and complaining about the closest people to non-close ones.

The ignoring of speech etiquette formulas can be the reason of speech conflict. In episodes when students have a conflict of this kind, they disagree about the estimation of the significance of the traditional markers of etiquette behavior.

The group of the represented speech conflicts should be distinguished from conflicts which are similar by appearance, but different by content. In such episodes one communicative partner perceives the interlocutor's speech behavior as deviant, though the other partner does not understand it and does not mean it.

Communicative partners' insufficient knowledge of ethics, undeveloped empathy, inability to control negative emotions and aggressive reaction to deviations from normal behavior promote the development of conflicts.

References

1. Grice, G.P. (1985) *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E. V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress.
2. Gordon, D. & Lakoff, J. (1985) *Postulaty rechevogo obshcheniya* [The postulates of speech communication]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E. V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress.
3. Shmeleva, T.V. (1983) *Kodeks rechevogo povedeniya* [Code of verbal behavior]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 72–77.
4. Murav'eva, N.V. (2002) *Rechevye mekhanizmy kommunikativnykh konfliktov: na materiale tekstov massovoy informatsii* [Speech mechanisms of communication conflicts in media texts]. Philology Dr. Diss. Moscow.
5. Gol'din, V.E. (1978) *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov: Saratov State University.
6. Leech, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
7. Formanovskaya, N.I. (1989) *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and culture of communication]. Moscow: Vysshaya shkola.
8. Sternin, I.A. (1996) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: Voronezh State University.
9. Gzavava, V.I. (2000) *Russkiy rechevoy etiket: sotsiokul'turnyy aspekt* [Russian speech etiquette: a socio-cultural aspect]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
10. Balakay, A.G. (2002) *Russkiy rechevoy etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniya* [Russian speech etiquette and principles of its lexicographical description]. Philology Dr. Diss. Novokuznetsk.
11. Biryulina, A.I. (2009) *Evolutsiya russkogo rechevogo etiketa (na materiale khudozhestvennoy literatury XIX–XXI vekov)* [Evolution of Russian speech etiquette (in the fiction of the 19th–21st centuries)]. Philology Cand. Diss. Tambov.
12. Chebotnikova, T.A. (2012) *Rechevoe povedenie lichnosti v sisteme formirovaniya*

sotsial'nogo obraza (na materiale khudozhestvennogo diskursa) [Speech behavior of a person in the system of the social image formation (based on the art of discourse)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Chelyabinsk.

13. Speranskaya, A.N. (1999) *Pravila rechevogo povedeniya v russkikh paremiyakh* [Rules of verbal behavior in Russian proverbs]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

14. Zubareva, A.A. (2007) *Formuly russkogo rechevogo etiketa: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Formulas of Russian speech etiquette: a sociolinguistic study]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.

15. Averkieva, M.S. (2009) *Semanticheskoe i kontseptual'noe prostranstva russkogo etiketa* [The semantic and conceptual spaces of Russian etiquette]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

16. Vorontsova, T.A. (2006) *Rechevaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoe prostranstvo* [Verbal aggression: penetration into the communicative space]. Izhevsk: Udmurt State University.

17. Kremneva, M.G. (2009) *Obraz normativnogo rechevogo povedeniya i verbal'naya korrektsiya diskursa (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [The image of the normative verbal behavior and verbal discourse correction (in the English and Russian languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

18. Glushak, V.M. (2010) *Lingvopragmaticheskiy aspekt rechevogo povedeniya kommunikantov v situatsiyakh povsednevnogo obshcheniya (na materiale nemetskogo yazyka)* [A linguistic-pragmatic aspect of verbal behavior of communicants in everyday communication (in the German language)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Annenkova, D.V. (2011) *Komponenty vospriyatiya rechevogo povedeniya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [The components of the perception of verbal behavior (in the Russian and German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

20. Sharifullin, B.Ya. (2005) Rechevoy portret sovremennogo studenta: pervoe priblizhenie [Speech portrait of the modern student: the first glance]. In: Kim, I.E. (ed.) *Lingvisticheskiy ezhegodnik Sibiri* [Linguistic Yearbook of Siberia]. Vol. 7. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

21. Leorda, S.V. (2006) *Rechevoy portret sovremennogo studenta* [Speech portrait of the modern student]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

22. Shelkhovskaya, M.R. (2008) *Yazykovaya kartina mira studenta* [The language picture of the world of the student]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

23. Larionova, A.Yu. (2011) *Neformal'nyy studencheskiy diskurs: sotsiolingvisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [The informal student discourse: a sociolinguistic and cultural linguistic aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.

24. Konishcheva, N.S. & Gundyayeva, O.V. (2005) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Nizhniy Novgorod. [Online] Available from: <http://www.studfiles.ru/preview/2592084>. (Accessed: 05th February 2016).

25. Evgen'eva, A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Kon, I.S. (1980) *Druzhba: Etiko-psikhologicheskiy ocherk* [Friendship: an ethical and psychological essay]. [Online] Available from: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1042227/Kon_-_Druzhba._Etiko-psihologicheskiy_ocherk.html. (Accessed: 01st March 2016).

27. Formanovskaya, N.I. (2003) Rechevoy etiket [Speech etiquette]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

28. Denisova, A.A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Moscow: Informatsiya XXI vek.